

Виктор Шкловский на Беломорканале: литератор как разведчик

Факт посещения Виктором Шкловским стройки Беломорканала самостоятельно осенью 1932 года в поисках заключенного брата, а не летом 33-го в составе «бригады» писателей, приглашенных ОГПУ на экскурсию по окончании строительства сооружения, установлен документально.¹ Впрочем, точно фиксировано лишь первое обстоятельство – полный список участников экскурсии до сих пор не обнаружен; Александр Авдеенко вспоминает Шкловского среди писателей, путешествовавших с ним по каналу на пароходе «Анохин»², но свои воспоминания он писал десятилетия спустя после поездки, и поэтому мог легко ошибиться (он вспоминает и о Романе Киме, который в тридцатые годы писателем не был). Нельзя с полной уверенностью исключить, что Шкловский посетил канал вторично. По версии журналиста Константина Гнетнева, разбиравшего в архивах подготовительные материалы Беломорского сборника, писатель был на канале еще раз – встреча писателей с главным инженером Беломорстроя Хрустальевым, стенограмма которой находится в РГАЛИ и которую вел сам Шкловский, согласно Гнетневу происходила 1-го декабря 1933 г. в городе Медвежья гора на Онежском озере, где размещалась администрация лагеря.³ Кстати, в ряде источников указывается, что на стройку писатель отправился с командировкой от журнала «Пограничник»,⁴ но, как известно, этот журнал начал выходить только в 39-м году.

А слова Шкловского чекисту о том, что он на канале чувствует себя «как живая черно-бурая лиса в меховом магазине»⁵, известны только из его собственных рассказов (или из рассказов дочери), притом поздних (первое упоминание, вероятно, встречается

¹ См.: Ruder, Cynthia. Making History for Stalin: The Story of the Belomor Canal. Gainesville: University Press of Florida, 1998, 138; Галушкин, Александр. Четыре письма Виктора Шкловского // Странник, 1991, №2, 75–80 (цит. 80).

² Авдеенко, Александр. Наказание без преступления. Москва: Советская Россия, 1991, 22.

³ Гнетнев, Константин. Беломорканал: Времена и судьбы. Петрозаводск: Острова, 2008: http://www.istmira.ru/download/Gnetnev_Belomorkanal.doc.

⁴ Березин, Владимир. Виктор Шкловский. Москва: Молодая гвардия (Жизнь замечательных людей), 2014, 275; Ruder, указ. соч., 58.

⁵ Устный Шкловский. Вступительная заметка и публикация Эмиля Казанджана // Вопросы литературы, 2004, № 4: <http://magazines.russ.ru/voplit/2004/4/sh28.html>; Сарнов, Бенедикт. Виктор Шкловский до пожара Рима. // Шкловский, Виктор. Сентиментальное путешествие. Москва: Новости, 1990, 21; Березин, указ. соч., 322; Ruder, указ. соч., 58.

в дневниках Михаила Пришвина 1943 года⁶). По свидетельству Эммы Герштейн, сразу после возвращения со стройки он рассказывал о ней гораздо менее остроумно: «Страшнее, чем на войне».⁷

История Беломорстроя и сборника о нем обросла множеством легенд, и это вполне естественно: после 37-го года эта история оглашению не подлежала, поскольку была тесно связана с деятельностью ОГПУ (Роман Ким в тридцатые годы писателем еще не был,⁸ а чекистом уже был). В распространении информации, а, возможно, и легенд о ней, Шкловский, оказывается, принимал активное участие.

Его рассказы, как мы постараемся показать, являлись составной частью продуманной коммуникативной стратегии, имеющей своей целью определение новой поведенческой модели для себя как литератора, новой социальной маски. А социальный облик автора имеет, как представляется, конкретное влияние на интерпретацию его текстов, которую Шкловский и старался управлять.

1. «Я вру мало. Я выдумываю».⁹

Биограф Шкловского В. Березин пишет, что шутка о черно-бурой лисице обращена «не к публике, а к еще не смертельно опасной ему власти, власти, с которой можно пошутить».¹⁰ То, что в 32-м можно было еще «пошутить» с властью, довольно сомнительно. Возможно, дело здесь в разных интерпретациях глагола «шутить». А что Шкловский обращался когда-либо с этими словами к власти (к какой именно и какого уровня?), повторяем, не установлено, но точно известно, что он часто рассказывал об этом разным собеседникам. Шутил он с властью в начале 30-х годов или нет, мы уже не узнаем, но к публике или хотя бы к той ее части (не такой уж малочисленной!), которая могла слушать его рассказы или их пересказы (Бенедикт Сарнов приводит анекдот о лисице как пример того, что «повторяли его давние остроты»¹¹), в 60–70-е годы он действительно обращался.

⁶ Пришвин, Михаил. Дневники. 1942–1943. Москва: РОССПЭН, 2012, 659.

⁷ Герштейн, Эмма. Новое о Мандельштаме // Наше наследие, 1989, № 5 (11), 101–125 (112).

⁸ В те годы появляется только его первый литературный опыт – очерк о современной японской литературе, причем появляется он в том же альманахе «Год XVI», что и первый роман самого Авдеенко.

⁹ Устный Шкловский, указ. соч.

¹⁰ Березин, указ. соч., 322.

¹¹ Сарнов, указ. соч., 21.

Вполне очевидно, что Шкловский своими рассказами пытался снять с себя ответственность за участие в деле, единодушно осужденном в послевоенный период литературной общественностью, – в подготовке «книги, в которой принудительный труд в зоне представал как образец социалистической “перековки” людей».¹² Тем более, что его репутация в литературных либеральных кругах была уже довольно сомнительной. Примечательно, что, по воспоминаниям Мариэтты Чудаковой, шутку о лисице он рассказал ей в 75-м году, не упоминая Беломорканала, в разговоре об одном из самых ярых своих обвинителей, Аркадии Белинкове:

«... И еще – я не могу простить вам вашего романа с Аркадием». Прошло пять лет после смерти Белинкова, а он все еще воспринимал наши с А. П. Чудаковым дружеские отношения с ним как предательство: он знал, что следующая обличительная книга Аркадия должна была быть о нем, Шкловском – и что только судьба помешала этому. «Видите ли, – продолжал он, – в университете (я не сразу поняла, что в американском) Аркадий продержался один семестр. Жену его оставили, а его нет. Потому что там это оказалось никому не нужно. Меня как-то спросили: – Как себя чувствуете? – Как живая лиса в меховом магазине. – Так вот, там все – лисы, там это не надо. И здесь он слишком много кричал.»¹³

А участие Шкловского в подготовке Беломорского сборника было очень существенным. Как показывают архивные материалы, изученные американской исследовательницей Чинцией Рудер, хотя редакторами на титульном листе книги фигурируют Максим Горький, его главный помощник по «Истории фабрик и заводов», бывший лидер РАППа Леопольд Авербах, и замначальника ГУЛАГа ОГПУ Семен Фирин, сборник фактически составлял, «смонтировал» именно Шкловский, вместе с Верой Инбер, Борисом Лапиным и Глебом Гаузнером.¹⁴ Березин утверждает, что он, «судя по всему, сам ничего не писал»¹⁵; но в книге встречаются страницы, которые, если и не принадлежат перу Шкловского, то представляют собой явное подражание его стилю. Приведем лишь один наиболее яркий пример:

¹² Воздвиженский, Владислав. Путь в казарму, или Еще раз о наследстве (Проблема творческой свободы в развитии советской литературы) // Октябрь, 1989, №5, 176–184 (180). См. также: Солженицын, Александр. Архипелаг ГУЛАГ. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. Т. 2, 79–80.

¹³ Чудакова, Мариэтта. Избранные работы, Том I: Литература советского прошлого. Москва: Языки русской культуры, 2001, 463.

¹⁴ Ruder, указ. соч., 109.

¹⁵ Березин, указ. соч., 319.

Есть обычные ошибки здравого смысла, которые довольно трудно преодолеть. Здравый смысл живет пока в четырехугольнике четырех правил арифметики. В средней школе задавали задачу: в час из бассейна выливается 10 ведер воды. Сколько выльется в 10 часов? Эту задачу решали умножением. Это неправильно. В бассейне одновременно с понижением уровня воды будет уменьшаться ее скорость. Технические вопросы простым умножением не решаются. Думают, что фильтрация идет по породам грунта. А на самом деле вокруг частиц грунта есть пленочная вода, которая окружает их, как чехлы. Вот между этими чехлами из неподвижной воды протекает фильтрующая вода. Можно увеличить работу чехлов и задержать воду водой.¹⁶

Березин ссылается только на свое непосредственное прочтение книги. Не будет преувеличением предположить, что и утверждение о том, что Шкловский в книге сам ничего не писал, восходит прямо или опосредованно к его же рассказам, является поздним результатом указанной коммуникационной стратегии писателя.

Целью этой стратегии было представить себя в роли двойного агента, литератора-подпольщика, литератора-разведчика в тылу врага, подыгрывающего властям и старающегося их по возможности обыграть. Это – едва ли не самый распространенный образ интеллигента в последние советские десятилетия. Таково представление о диссидентствующих писателях, а часто и их собственное самопредставление. Если у Солженицына еще было «дивом» то, что подпольщиками становились не революционеры, а писатели¹⁷, то у Андрея Синявского это была обычная картина функционирования литературы советского времени:

[...] литературный процесс на каком-то этапе принял характер обоюдоострой игры, авантюры, которая сама по себе могла бы составить фабулу увлекательного романа. Авторы превратились в героев еще не созданных, быть может, произведений, почувствовали на губах вкус интриги, которая может плохо кончиться [...], но которая зато придает некий высший смысл скудной писательской жизни, веселье, интерес, «бессмертья, может быть, залог». Все это сообщило русской литературе толчок или

¹⁶ Беломорско-Балтийский Канал имени Сталина. История строительства 1931–1934 гг. Под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. Б. м.: б. изд., 1998 [фототипное переиздание оригинала], 240.

¹⁷ Солженицын, Александр. Бодался теленок с дубом. Paris: YMCA-Press, 1975, 6.

стимул к развитию, и сейчас она, как никогда за время ее раскулачивания, полна сил и надежд на будущее.¹⁸

Но дело не только в диссидентах, а в общем самоощущении советской интеллигенции. Марк Липовецкий именно этим объясняет фантастический успех фигуры Штирлица:

Воплощенная Штирлицем артистическая медиация между советским и «буржуйским», между войной и миром, между службой и бытом как нельзя более точно соответствовала культурным и социальным функциям позднесоветской интеллигенции, а главное – ее самосознанию. Причем не просто соответствовала, а придавала медиации подлинно героический – при этом приглушенный и освобожденный от официального пафоса – масштаб. Точнее будет сказать, что «Семнадцать мгновений весны» использовали героическую семантику главного советского мифа – мифа Отечественной войны, – трансформировав ее в предельно обаятельный миф о медиаторе-интеллигенте. При более строгом взгляде можно определить этот миф как миф об интеллигентском двоемыслии. Что парадоксальным образом не исключает ни героичности, ни обаяния.¹⁹

Здесь напрашивается параллель между распространенными в литературных кругах образами Шкловского и Юлиана Семенова. Подобно тому, как Семенов, детективщик, слывший «полковником КГБ», писал, что благосклонность Андропова была ему нужна для того, чтобы получить разрешение протащить на страницы своих исторических детективов имена «погибших во время сталинского террора»²⁰, Шкловский утверждал, что он принял участие в Беломорском проекте только для того, чтобы повлиять на судьбу своего заключенного брата.

Штирлиц, в прочтении Липовецкого, «занимает почетное место в ряду других медиаторов, рожденных советской культурной эпохой», в котором «плечом к плечу стоят Воланд и Остап Бендер, Подсекальников и Присыпкин, Чапаев и Буратино, Чебурашка и Шерлок Холмс, Веничка, едущий из Москвы в Петушки, и солдат Иван Чонкин»²¹. Особо интересно сравнение с Остапом Бендером, единственной фигурой, сравнимой со Штирлицем по популярности (причем «парадоксальным образом

¹⁸ Синявский, Андрей. Литературный процесс в России // Он же. Литературный процесс в России: литературно-критические работы разных лет. Москва: РГГУ, 2003, 176–204 (177–178).

¹⁹ Липовецкий, Марк. Искусство алиби: «Семнадцать мгновений весны» в свете нашего опыта // Неприкосновенный запас, 2007, № 3 (53): <http://magazines.russ.ru/nz/2007/3/li16.html>.

²⁰ Неизвестный Семенов. Под ред. Ольги Семеновой. Москва: ЭКМО, 2008, 200–201.

²¹ Липовецкий, указ. соч.

“классика советской литературы” воспринималась как литература антисоветская»²²). Это сравнение интересно по двум причинам: во-первых, существует предположение, что Шкловский является одним из прототипов героя романов Ильфа и Петрова, во-вторых, авторы анонсировали свое намерение показать Бендера заключенным в Белбалтлаге.

На внушительный список переключек между текстами Шкловского и выдумками и прибаутками «великого комбинатора» указывает Александр Федута.²³ Особенно интересно, с нашей точки зрения, его сопоставление заключительной страницы романа «Зоо» (с объявлением «сдачи» и просьбой дать разрешение вернуться на родину) и сцены возвращения Бендера после неудачной попытки бегства в Румынию.

Что касается предполагаемого третьего романа о Бендере, в котором на строительстве канала он должен был перековаться в сознательного советского гражданина (как об этом заявили сами авторы по возвращении из писательской экскурсии в заметке, опубликованной в «Комсомольской правде»), то, по словам одного из первых исследователей творчества Ильфа и Петрова, «ни малейших следов работ над такой версией романа не сохранилось», и, вероятно, «эта заметка не отражала реальный творческий замысел авторов, а была лишь удобной формой отказа от решения трудного вопроса»²⁴ – как избежать участия в написании сборника. Как пишет американская переводчица «Золотого теленка»,

«Бендерские» романы доказывают, что Ильф и Петров были мастерами двусмысленности, но «Наш третий роман» был, пожалуй, самый главный подвиг двусмысленности, который они когда-либо осуществили. (...) В сущности, авторам как-то удалось превратить *отсутствие* продолжения эпопей о Бендере в *присутствие* их поддержки Беломорскому сборнику. Одной этой заметкой они добились того, что не принимали участие в Беломорском сборнике и не показывали, как Бендер стал хорошим, полезным советским гражданином. Они выскочили из этого скользкого положения так же артистично, как и сам Остап Бендер.²⁵

²² Одесский, Михаил; Фельдман, Давид. Легенда о великом комбинаторе (в трех частях, с прологом и эпилогом) // Ильф, Илья; Петров, Евгений. Золотой теленок. Москва: ВАГРИУС, 2000, 5–62 (5–6).

²³ Федута, Александр. Остап Ибрагимович Шкловский // Новый филологический вестник, 2011, № 3 (18): http://slovorggu.ru/2011_3/index.shtml.

²⁴ Курдюмов, Авель (Яков Лурье). В краю непуганых идиотов. Paris: La Presse Libre, 1983, 177.

²⁵ Fisher, Anne O. Foreword // Ilf, Ilya; Petrov, Evgeny. The Little Golden Calf. Montpelier (Vermont): Russian Life Books, 2009; цит. по: Lipovetsky, Mark. Charms of the Cynical Reason. Boston: Academic Studies Press, 2011, 111–112.

Шкловскому в данном случае такая уловка не удалась, но в последующие десятилетия он пытался распространить свою версию фактов.

2. Прием показной капитуляции.

Беломорский сборник стал «хрестоматийным образцом того, как деградировала русская литература – от традиционного гуманизма к апологии каторжного труда и массового террора».²⁶ Это, несомненно, важнейший этап в окончательном определении социального облика советского писателя – уже не «пролетарского» и не «попутчика», а именно «советского», через полтора года после роспуска РАППа и за два года до того, как Сталин объявил социализм достигнутым. «Должно было пройти полтора десятка лет после революции, – замечает Евгений Добренко – чтобы до партийности дозрели “профессиональные литературные кадры”».²⁷

В момент появления сборника было ясно, что «перековке» подлежат не только герои книги, но и их авторы. Об этом открыто заявил Горький в своем выступлении на последнем слете ударников Беломорстроя, который проходил уже в подмосковном Дмитрове, на строительстве канала Москва–Волга. На слете присутствовала группа писателей (кто именно, нам неизвестно), и можно предположить, что именно там главным образом и отбирался вошедший в сборник материал. В своем выступлении, напечатанном и в «Правде» и в Беломорском сборнике, председатель Оргкома писательского союза, обращаясь к заключенным-ударникам, говорил:

Вы подняли настроение сотни литераторов, которые были на канале и видели вашу работу. Вы вдвинули их в этот поток живой работы, приблизили их к трудовому процессу, воочию показали им и себя и то, что вами сделано.²⁸

А один из рецензентов прямо писал, что «книга о перестройке человеческого материала становится сама орудием перестройки писательского уклада».²⁹ Но дело не только в предписании сверху: в самой писательской среде в период с момента роспуска РАППА

²⁶ Добренко, Евгений. Формовка советского писателя. Санкт-Петербург: Академический проект, 1999, 451.

²⁷ Там же, 454.

²⁸ Горький, Максим. Собрание сочинений. Москва: ГИХЛ, 1953. Т. 27, 74.

²⁹ Оружейников, Н. Рапорт писателей // Книга и пролетарская революция, 1934, № 3. Цит. по Добренко, указ. соч., 451.

и до первого съезда наблюдается процесс мучительного поиска своего социального положения,³⁰ поиска нового костюма для пребывания в новом обществе, поиска новой маски.

Об этом прямо заявил уже в 1927-м году давний соратник Шкловского:

[...] вопросы технологии явно уступили место другим, в центре которых стоит проблема самой литературной профессии, самого «дела литературы». Вопрос о том, «как писать», сменился или, по крайней мере, осложнился другим – «как *быть писателем*». Иначе говоря, проблема литературы, как таковой, заслонилась проблемой писателя.

Можно сказать решительно, что кризис сейчас переживает не литература сама по себе, а ее социальное бытование. Изменилось профессиональное положение писателя, изменилось соотношение писателя и читателя, изменились привычные условия и формы литературной работы – произошел решительный сдвиг в области самого литературного быта, обнаживший целый ряд фактов зависимости литературы и самой ее эволюции от вне ее складывающихся условий.³¹

Предложение Эйхенбаума, как известно, было в свое время отвергнуто коллегами по ОПОЯзу; не потому ли, что оно оказалось преждевременным? Вопрос о том, «как быть писателем» стал особенно актуальным через пять лет после появления статьи о литературном быте. При этом, вопрос «как писать» и «вопросы технологии» связывались критиком с «литературной борьбой», которая «потеряла свой прежний специфический характер: не стало прежней чисто литературной полемики, нет отчетливых журнальных объединений, нет резко выраженных литературных школ...»³² – школы и объединения были упразднены в 1932-м указом ЦК. До этого, в течение двадцатых годов, «социальное бытование» литератора определялось прежде всего именно принадлежностью к одной из борющихся друг с другом группировок – это модель, унаследованная от политики и введенная в литературный обиход авангардом, которую сам Шкловский, по всей вероятности, первым применял к фигуре литературоведа. Впрочем, примеру его следовали и другие формалисты, со своим подчеркнутым антиакадемизмом; в своих поздних (70-х гг.) воспоминаниях о встрече с Тыняновым Роман Jakobson прибегает именно к политической лексике: «Мы с

³⁰ См. Добренко, указ. соч., 454–456.

³¹ Эйхенбаум, Борис. Мой временник. Маршрут в бессмертие. Москва: АГРАФ, 2001, 51.

³² Там же.

Тыняновым, как я писал Трубецкому, “решили во что бы то ни стало восстановить Опояз и вообще начать борьбу против уклонов вроде эйхенбаумовского...”³³.

После 32-го года для оставшихся в советской России этот вариант отпал. Осталось два выбора: или «генерал», или «мученик»; таково расхожее мнение. То, что в послеоттепельном периоде существовало и промежуточное положение (которое мы именовали положением разведчика), кажется, тоже общепризнанно. Своими рассказами Шкловский, видимо, намеревался утвердить, что такая возможность существовала уже в начале 30-х: «Третьего пути нет. Вот по нему и надо итти».³⁴

Известны три символических цитаты, определяющие эволюцию отношений Шкловского с советским правительством: финал романа «Zoo» («Я поднимаю руки и сдаюсь»), отрывок о несвободе в «Третьей фабрике» («Я хочу свободы. Но если я ее получу, то пойду искать несвободы к женщине и к издателю») и отречение от формализма в статье «Памятник научной ошибке». Отношение критики к этим текстам неоднородное, мнения полярные. Многие склонны принимать их буквально. В этом смысле показательно высказывание Вениамина Каверина:

Но для того, чтобы согласиться на несвободу, или даже (как он это делает) выбрать ее, надо найти оправдание. Надо было доказать, что свобода не так уж нужна; на худой конец ее можно заменить «зазором»: «Нужна иллюзия выбора».³⁵

С другой стороны, Ричард Шелдон, например, изобрел для таких и подобных выражений формулу «прием показной капитуляции»³⁶. И Светлана Бойм напрямик связывает подход Шкловского с его практикой подпольной борьбы:

Путь Шкловского не кончается несвободой, скорее в 1930–1950-е годы писатель и критик уводит формальный метод в подполье, вспоминая свой собственный политический опыт начала века.³⁷

В 70-е годы сам Шкловский распространял именно такой вариант.

³³ Якобсон, Роман. Юрий Тынянов в Праге // Jakobson, Roman. Selected Writings, V: On Verse, Its Masters and Explorers. The Hague–Paris–New York: Mouton, 1979, 560–568 (560).

³⁴ Шкловский, Виктор. Третья фабрика. Москва: Круг, 1926, 84.

³⁵ Каверин, Вениамин. Эпилог. Москва: Московский рабочий, 1989, 34.

³⁶ См. Sheldon, Richard. Viktor Shklovsky and the Device of Ostensible Surrender // Slavic Review, 34 (1975), 1 (March), 86–108.

³⁷ Бойм. Светлана. Общие места. Москва: Новое литературное обозрение, 2002, 304.

3. «Он существует не только как автор, а скорее как литературный персонаж».³⁸

Вопрос о поведении, о социальной маске литератора, следовательно, тесно связан с вопросом о правильном прочтении его текстов. Уже существует несколько ценных работ, в которых анализируется стратегия Шкловского-писателя, особенно мемуариста и особенно в двадцатые годы, с точки зрения его тонкой ироничной игры с нарративными инстанциями, принципиального недоверия к литературным произведениям в качестве носителей информации об авторе: «[...] тот Виктор Шкловский, про которого я пишу, вероятно, не совсем я, и если бы мы встретились и начали разговаривать, то между нами даже возможны недоразумения»³⁹. Отсылая к этим работам,⁴⁰ приведем только одну, наиболее подходящую здесь, на наш взгляд, цитату Сергея Зенкина: «Программа-минимум, которую он стремился осуществить, – это послать нам, его читателям, ясный сигнал: тот, кто писал все это, – не я, уже не я, не совсем я».⁴¹

Мнение Эйхенбаума о том, что Шкловский «существует... скорее как литературный персонаж», обычно связывается с его ролью героя собственных автобиографических текстов и романов Каверина, Булгакова, Ольги Форш. По словам Яна Левченко, «он не существует вне текста ни как бытовая, внесистемная единица, ни, тем более, как историческое лицо».⁴² Между тем, его же замечание о том, что Шкловский создал «миф о персонаже, научившемся не только описывать себя, но и программировать свою литературную репутацию», вероятно, следует применять не только к текстуальным, но и к внетекстуальным стратегиям.

«Литературная репутация», мнения читателей об авторе как о живом, «эмпирическом» человеке непременно влияют на их представление об истинном

³⁸ Эйхенбаум, указ. соч., 129.

³⁹ Шкловский, Виктор. Гамбургский счет. Санкт-Петербург: Лимбус-пресс, 2000, 219.

⁴⁰ См.: Калинин, Илья. Виктор Шкловский, или Превращение поэтического приема в литературный факт // Звезда, 2014, № 7: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2014/7/11k.html>; Панченко, Ольга. Литературный текст и текст жизни: динамическая корреляция (Виктор Шкловский, Осип Мандельштам и другие) // Вестник РУДН: Серия Лингвистика, 2003, № 4, 139–144.

⁴¹ Зенкин, Сергей. Приключения теоретика: Автобиографическая проза Виктора Шкловского // Дружба народов, 2003, № 12: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2003/12/zenkin.html>.

⁴² Левченко, Ян. Другая наука: Русские формалисты в поисках биографии. Москва: Высшая школа экономики, 2012, 164.

авторском замысле и, следовательно, на процесс декодирования. Умберто Эко (в итальянском варианте исследования, первоначально опубликованного на английском и с английского переведенного на русский, в котором он теоретически обосновал разделение «эмпирического автора» от «актантной роли» первого лица и на примере одного абзаца из работы Людвиг Виттгенштейна писал, что «в данном тексте Виттгенштейн – не что иное, как некий философский стиль»⁴³), заметил, что «не всегда имплицитный Автор так ясно различим, а нередко эмпирический читатель проявляет тенденцию к отождествлению его с уже известными сведениями об эмпирическом авторе в качестве субъекта высказывания», что иногда делает текстовое сотрудничество «рискованным».⁴⁴ В качестве примера Эко приводит случай с письмами бывшего итальянского премьера Альдо Моро, похищенного «красными бригадами» и писавшего из своего плена письма правительству с просьбами согласиться на требования террористов. Эти письма дали повод к бурным драматическим спорам об истинных намерениях их автора.

Один из случаев, где особенно четко проявляется это качество, – эзопов язык, где текст подлежит двойному кодированию, а ключ ко второму, глубинному, коду дан лишь избранным: всегда ли этот ключ состоит из некоего текстуального «маркера»⁴⁵, или же в правильном декодировании решающую роль играет чаще всего мнение читателя об «эмпирическом» авторе?

Феномен эзопова языка характерен прежде всего для послевоенного периода, однако Светлана Бойм предполагает, что его «формула» дана Шкловским именно в «Третьей фабрике», которую исследовательница называет «интересным примером первого текста, вдохновленного цензурой и осмысливающего ее через приемы искусства».⁴⁶ Во всяком случае, существуют некоторые тексты, относящиеся еще к двадцатым годам, к которым применима категория эзопова языка. Например, Борис Фрезинский предполагает, что именно на Шкловского и на его побег из Советской России намекает в своей «Балладе о беглеце» Елизавета Полонская: то, что в первой публикации стихотворение посвящено Кропоткину, а во второй Свердлову –

⁴³ Эко, Умберто. Роль читателя. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2005, 25.

⁴⁴ Eco, Umberto. *Lector in fabula*. Milano: Bompiani, 2000, 62.

⁴⁵ См.: Loseff, Lev. *On the Beneficence of Censorship: Aesopian Language in Modern Russian Literature*. München: Sagner, 1984, 47, 50.

⁴⁶ Бойм, указ. соч., 272.

единственное указание сведущему читателю на то, что истинного адресата текста следует искать за его рамками.⁴⁷

Здесь будет уместно упомянуть и «Смерть Вазир-Мухтара» Юрия Тынянова, где в «людях двадцатых годов», которые в прологе романа «перестали существовать»⁴⁸, легко угадать намек на двадцатые годы XX-го, а не XIX-го века, а в тыняновском Грибоедове, вернувшемся из Персии и подозреваемом старыми друзьями в предательстве, – черты вернувшегося из Германии Шкловского. Таково, как нам кажется, не до конца выраженное мнение Березина.

4. Туфта

Итак, своими поздними рассказами о поездке на Беломорканале Шкловский пытался повлиять на восприятие читателем своих старых работ, указать на возможность их прочтения как эзоповых. Касается ли это и самого Беломорского сборника?

Предположение кажется почти абсурдом, но все-таки в этом большом, сложном и противоречивом сборнике встречаются места и такого рода:

Тебе заказана норма. Силен ты или слаб – все равно: пили! Если ты не выполнишь нормы в срок, ты попадешь в карцер.

Четверо суток на хлеб и воду. Если ты не выполнишь ее вторично – две недели. Если тем не менее ты и в третий раз не настрогал норму – карцер. На неопределенное время.⁴⁹

Здесь речь идет о буржуазной Финляндии: в третьей главе сборника исправительная политика западных стран сравнивается с советской практикой, и сравнение, конечно, идет в пользу последней. По всей вероятности, в позднесоветский период подобный абзац цензура не пропустила бы, неизбежно увидела бы в нем аллюзию на советские лагеря.

⁴⁷ Фрезинский, Борис. Наш жестокий XX век. Москва: АГРАФ, 2016, 171.

⁴⁸ Тынянов, Юрий. Смерть Вазир-Мухтара. Кишинев: Литература артистикэ, 1984, 11.

⁴⁹ Беломорско-балтийский канал, указ. соч., 58.

Такие примеры в сборнике редки, но места, способные возбудить сомнения по крайней мере скептически настроенного читателя в искренности авторов, встречаются довольно часто.

Образованный читатель сборника не раз наталкивается на знакомые имена, легко узнает в заключенных известных ему людей (причем говорится о них в сборнике обычно с большой симпатией, без упоминания «преступлений», за которые они оказались в лагере). Таким образом читатель узнает о судьбах заключенных, о которых иначе не мог получить никакой информации. Приведем пример поэта-песенника Сергея Алымова, о котором несколько мелодраматично рассказывает в своих воспоминаниях Александр Авдеенко:

В одном из барачков писатели-москвичи неожиданно увидели своего собрата, поэта Сергея Алымова, автора любимой народом песни «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед».

Обступили, здороваются, похлопывают по плечам, задают вопросы, и среди них неизбежный и самый главный:

– Как ты сюда попал, Сережа? За какие грехи? (...)

Каналоармеец Алымов махнул рукой, заплакал и полез на верхние нары.⁵⁰

По словам одного современного исследователя, Алымова «заключенного, включают в группу советских писателей, создающих книгу о строительстве»⁵¹. Такое, в принципе, могло случиться и после случайной встречи в бараке. Хотя, на наш взгляд, маловероятно, что встреча с Алымовым – главным редактором лагерной газеты «Перековка», материалами которой писательская бригада должна была пользоваться при подготовке книги – не была запланирована еще до поездки писателей на канал. Во всяком случае, примечательно, что его имя фигурирует и в списке составителей сборника, и как автора одного из стихотворений, опубликованных в лагерной газете⁵² (а о самой газете в сборнике прямо говорится, что туда «пишут не свободные советские граждане, а заключенные в лагере преступники»⁵³). Это странное совпадение, вероятно, могло вызвать у читателя некоторое недоумение.

⁵⁰ Авдеенко, указ. соч., 22.

⁵¹ Сидоров, Александр. Как сталинский поэт-пароход двигал в жизнь блатной фольклор // Неволя, 2016, № 50: <http://www.index.org.ru/nevol/2016-50/14-50-sidorov.html>.

⁵² Беломорско-Балтийский канал, указ. соч., 487.

⁵³ Там же, 309.

Случай с Игорем Терентьевым – «талантливым режиссером»⁵⁴ и поэтом, как пишет в сборнике Вера Инбер⁵⁵, руководителем агитбригады, бывшим участником футуристической группировки «41°» и режиссером экспериментальных постановок – немного отличается, поскольку его имя, видимо, было менее известно читателю. Хотя совсем неизвестным оно все-таки не было.

А самое известное имя в сборнике – это, вероятно, имя Николая Анциферова, автора знаменитой «Души Петербурга». Кстати, его воспоминания служат косвенным доказательством посещения канала Шкловским еще до поездки писателей (к сожалению, в обоих опубликованных изданиях о «посещении строительства и музея, в котором работал Н. П., поэтом С. Я. Алымовым и писателем В. Б. Шкловским» упоминается только в примечании, отсылающем к «опущенным страницам»⁵⁶). Логично предположить, что страница об Анциферове в сборнике была написана именно Шкловским:

Все заговорили о бетоне и о зиме.

По снегу, оставляя темные следы, идут от клуба два человека.

Один из них – в маленькой, серой, суконной панамке – археолог Анциферов, рядом с ним высокий востоковед, который здесь сделался гидротехником.

Анциферов работает в качестве геолога и кроме того заведует музеем.

Ученики соседней семилетки ходят часто в музей и любовно величают Анциферова «дядя-коллектор».

Музей работает днем и ночью; ночью здесь объясняют на схемах и моделях сущность сооружений для того, чтобы утром приезжие могли связать систему котлованов, насыпей и ряжей и увидеть, как из них срастается водный путь.

Без схем, моделей, чертежей строительство непонятно.

Анциферов идет отдыхать.

«Еще в доисторические времена, – говорит геолог, – стойбища человека располагались по будущей трассе канала».

Наш канал прощупывается в веках.⁵⁷

⁵⁴ Там же, 476.

⁵⁵ См. Ruder, указ. соч., 138.

⁵⁶ Анциферов, Николай. Из воспоминаний. // Звезда, 1989, № 4, 117–165 (165); Его же. Из дум о былом. Москва: Феникс, Культурная инициатива, 1992, 451.

⁵⁷ Беломорско-Балтийский канал, указ. соч., 357.

На авторство этого отрывка довольно прозрачно указывают и стилистика, и название подглавки – «Вторая осень на Беломорстрое». Здесь, очевидно, имеется в виду осень 1932-го года, то есть время первого посещения стройки Шкловским, когда до поездки писателей оставался еще почти год.

Здесь главный камень преткновения. Сборник претендует на историчность, на правдивость. Гарантией правдивости должна была служить прежде всего широко разрекламированная поездка писателей, поскольку авторы рассказывали о том, что видели своими глазами. А что, в сущности, можно было увидеть во время поездки? Об этом пишет Солженицын, ссылаясь на рассказ одного очевидца:

Заклученный прораб канала Д.П. Витковский был свидетелем, как во время шлюзования парохода эти люди в белых костюмах, столпившись на палубе, манили заключенных с территории шлюза (а кстати, там были больше уже эксплуатационники, чем строители), в присутствии канальского начальства спрашивали заключенного: любит ли он свой канал, свою работу, считает ли он, что здесь исправился, и достаточно ли заботится их руководство о быте заключенных? Вопросов было много, но в этом духе все, и все через борт, и при начальстве, и лишь пока шлюзовался пароход.⁵⁸

И без свидетельств очевидцев нетрудно догадаться, что писатели, посетившие летом 1933-го года уже завершённый канал, не могли своими глазами видеть, например, «штурм водораздела», проходивший зимой и детально описанный в сборнике.

Конечно, многое в книге основано на рассказах самих «каналоармейцев», записанных и во время поездки, и позже, например, на уже упомянутом слете бывших ударников в Дмитрове. Но тут возникает вопрос: в какой степени можно верить бывшим преступникам?⁵⁹

⁵⁸ Солженицын, указ. соч. Т. 2, 66. Ср.: Авдеенко, указ. соч., 20.

⁵⁹ О нерешенной проблеме отношения к заключенным и об их использовании в качестве источника информации любопытно рассказывает Авдеенко. По его версии, после экскурсии на Беломорканал и выхода сборника, в котором он сам не принимал участия, он был отправлен редакцией «Истории фабрик и заводов» на строительство канала Москва–Волга с заданием написать документальную повесть (см. Авдеенко, указ. соч., 102). Посещение объекта и на этот раз было организовано НКВД. Писатель был приглашен к Ягоде, которого прежняя схема уже не устраивала: «В качестве писателя вам трудно будет собирать материал среди чекистов и каналоармейцев. И те и другие, по разным причинам, не будут откровенны, скроют самое существенное, необходимое вам» (там же, 104). Писатель опасался, что ему предложат отправиться на канал в качестве арестанта, но его одели в чекистскую форму и отправили на стройку под чужим именем, по словам наркома, «так сказать, на нелегальном положении» (там же, 105). А с канала его выгнали (в этом писатель видел причину своей будущей опалы) из-за слишком доверительных отношений с заключенными.

Об этом открыто размышляет М. Зощенко, единственный автор, кроме Горького, которому в сборнике принадлежит отдельная, подписанная его именем глава. Глава основана на письменной автобиографии одного бывшего уголовника, ставшего ударником, которую Зощенко, по его выражению, только «причесал»⁶⁰, добавив лишь несколько абзацев в качестве введения и завершающего комментария. В этой заключительной части он и ставит свой вопрос:

Либо Роттенберг (...) действительно изменил свое сознание и действительно перековался (...).

Либо он сделал новую «аферу».

Либо он, будучи неглупым человеком, решил, что преступному миру действительно приходит крах и сейчас вору надо переквалифицироваться.⁶¹

Писатель, конечно, стоит за первый вариант («и в этом я так же уверен, как в самом себе»⁶²): герой действительно искренно перековался, ему можно верить. Но «сомнение» все же в сборнике присутствует – не случайно же при переиздании главы в «Избранное» Зощенко эти абзацы были исключены, очевидно, цензурой.⁶³

А что, если Роттенберг на самом деле «сделал новую аферу», если аферу делали все информанты?

На языке лагеря а, следовательно, и на языке сборника, «афера» называется «туфтой». Туфта – это практика указывать в сводках невыполненную работу как выполненную. Туфте в сборнике посвящена отдельная глава – «Добить классового врага». Согласно этой главе, подобная практика была широко распространена на стройке, и в результате выполнение работ в срок ставилось под сомнение; но с назначением Фирина на должность начальника стройки руководство и общественность стали активно бороться с ней, и прорыв был ликвидирован.

Ликвидирован ли? Сомнения законны. Один из примеров туфты в сборнике касается глубины канала:

⁶⁰ Беломорско-Балтийский канал, указ. соч., 496.

⁶¹ Там же, 524.

⁶² Там же.

⁶³ См. комментарии Игоря Сухих в: Зощенко, Михаил. Сочинения. Т. 5. Москва: Время, 2006, 759. По мнению М. Липовецкого, зощенковский Роттенберг играет в сборнике ту же роль, что мог бы играть Остап Бендер. См. Lipovetsky, указ. соч., 111.

ОГПУ проверяет сделанную работу. Голенчик и Карякин не захотели пойти на попятную и не перестали показывать преуменьшенные остатки. Они призвали на помощь топографа Капрофчука и стали на него воздействовать, чтобы тот подчистил кое-что в расчетах. Давлением и угрозами они добились своего: Капрофчук изменил одну нивелировочную цифру. В результате остаток в 20 тысяч кубометров удалось смазать, и дело было представлено так, будто канал выбран уже до проектной глубины, в действительности же он был на 36 сантиметров мельче. Технически это преступление не воспрепятствовало бы навигации. Согласно проектной глубине под килем имеется запас 60 сантиметров. На отрезке Голенчика и Карякина запас под килем получался на 36 сантиметров меньше, но и при 24 сантиметрах судно дна не коснется.⁶⁴

Согласно Солженицыну, это недостаток канала как такового:

...в 1934 году, только успели все ордена раздать, – уже был проект реконструкции. И пункт первый был: углубить канал. А второй: параллельно нынешним шлюзам построить глубоководную нитку океанских. (...) Из-за того-то срока, из-за тех-то *норм* и наврала глубину, и снизили пропускную способность: какими-то туфтяными кубометрами надо ж было работяг кормить.⁶⁵

А по распространенной версии (К. Гнетнев утверждает, однако, что это легенда⁶⁶), сам Сталин при посещении канала с раздражением заметил, что он недостаточно глубок.⁶⁷

Таким образом, канал целиком мог бы оказаться результатом туфты. А сборник о нем с полной уверенностью можно назвать туфтой – обманом читателя, но и начальства, игрой в энтузиазм: достаточно того, что лагерь, где погибли не десятки, а сотни тысяч заключенных, представлен в нем как счастливое место, где они начинали новую счастливую жизнь. Иногда эта особенность книги, как мы старались показать, проявляется в тексте; может быть, это одна из причин, из-за которых она так быстро исчезла из советской литературы: обнаружение читателем проявлений (умышленных или нет) неискренности авторов способно уничтожить пропагандистскую ценность целого.

⁶⁴ Беломорско-Балтийский канал, указ. соч., 379.

⁶⁵ Солженицын, указ. соч. Т. 2, 81.

⁶⁶ См. Гнетнев, Константин. Сталин на Беломорканале // Север, 2017, №. 7: <http://litbook.ru/article/6840/>.

⁶⁷ См.: Ruder, указ. соч., 33.

В мемуарной литературе о лагерях туфта показана не как позорный порок, а лишь как законный способ выжить.⁶⁸ В то время, когда эта мемуарная литература, хотя и большей частью не опубликованная, широко распространилась среди интеллигенции, Шкловский старался сделать так, чтобы беломорский сборник воспринимался именно в таком ракурсе.

Вероятно, с нравственной точки зрения это его не спасло: авторов сборника трудно оправдать. Но пример сборника показывает, что нравственная оценка, видимо, не всегда является единственным и самым верным критерием оценки советского литературного процесса.

Если принять интерпретацию своих текстов Сталинского периода, предложенную Шкловским в последние годы жизни, то его знаменитое высказывание о «поисках несвободы» в «Третьей фабрике» становится сравнимым с тем, о чем пятьдесят лет спустя писал Андрей Синявский:

Потому-то я и твержу, что свобода слова как раз писателям-то и не идет на благо, что от свободы писатель, случается, хиреет и вянет, как цветочек под слишком ярким солнцем. А приятнее для писателя тьма, лагерь, кнут, узда и запрет (с одновременной возможностью – из тех, кто смелый, – ту узду разорвать и закон – объехать). Писатель всем своим писательским нутром жаждет не свободы, он жаждет – освобождения, как кто-то сказал из понимающих в этой механике. Сам акт писательства есть освобождение (дайте – цепи!).⁶⁹

Книга Льва Лосева об «эзоповом языке» называется, кстати, «О пользе цензуры». В этом названии, как и в приведенном высказывании Синявского, присутствует известная доля сарказма; но сарказм их не исчерпывает. Борьба за выживание в качестве литераторов привела писателей к компромиссам, за которые их можно законно осудить; но эта борьба дала повод к изобретательству и в социальном плане, и в способах продуцирования и передачи скрытых смыслов.

Соображения и Лосева, и Синявского относятся к послевоенному, а точнее (главным образом), к послеоттепельному периоду. Имеет ли смысл употреблять инструментарий, разработанный для анализа литературы этого периода, и к сталинским годам? На такую возможность, видимо, и хотел указать Шкловский своими

⁶⁸ См. напр. Солженицын, указ. соч. Т. 2, 128–132.

⁶⁹ Синявский, указ. соч., 181.

рассказами о путешествии по Беломорканалу. Мы попытались проверить его поздний автокомментарий на материале Беломорского сборника; результаты, как нам кажется, хотя и противоречивы, но многообещающие.